

Улица Ювелиров

Илья ФОНЯКОВ

ЭТО не статья специалиста-искусствоведа. Это заметки зрителя, слушателя, читателя...

Но стойте, может быть, сама тема их не ко времени сегодня? Ведь сегодняшний Вьетнам — это пепел и кровь, девушки с винтовками в руках и маскировочные сетки на автомашинах, сухой кашель зенитных батарей и ветер, кружащий среди руин больницы пожелтевшие лепестки историй болезней. Тревожные сообщения, приходящие ежедневно из этой далекой страны. И, конечно, с особой болью читаешь эти сообщения, если только недавно сам бродил по улицам Ханоя и Хайфона. Боль, гнев, тревога — какие уж тут встречи с искусством!

И все-таки... Я вспоминаю Ханой, этот зеленый, удивительно приветливый город, вспоминаю лежащее в центре его Озеро Возвращенного Меча — прекрасное, величественное, овеянное легендами. Вспоминаю противозвуковые щели на берегах озера — с каждым днем их становилось все больше. И вспоминаю, как тут же, рядом, на оживленной улице Ювелиров — той самой, по которой недавно провели на суд пленных американских пилотов, — я увидел работающего мастера. Каким-то тончайшим орудием он обрабатывал перламутровые раковины, чтобы निकрестировать затем крышку приготовленной уже шкапулки из черного дерева. Изредка он бросал взгляд в сторону юношей, копавших очередную траншею, и вновь возвращался к своей неторопливой работе. Поразительным спокойствием веяло от всей его фигуры. И подумалось невольно: а ведь есть какая-то большая правда в том, что людям, жизнь которых проходит буквально под огнем, не изменяет чувство прекрасного. Значит, никаким террором не сломить их!

Есть большая правда в том, что в столице республики, в Ханое, все более определенно обретающим черты фронтного города, продолжают работу все театры (их около десятка!) и быстра достать ничуть не легче, нежели в Москве.

Во Вьетнаме существует несколько разновидностей театра. Основные из них — «тео», «зыонг», «кайлюонг» и разговорная драма. Первые два представляют собой варианты традиционного восточноазиатского театра с его яркими костюмами, акробатикой и пиротехникой. После спектаклей такого рода в зале стоит сонливый синеватый дым и ощутимо пахнет пороком. Разговорная драма — это привычный нам драматический театр европейского образца. А жанр «кайлюонг» — попытка как-то примирить эти два полюса.

«Разговорная драма» помещается в самом центре Ханоя, в театральном здании, которое построили в свое время еще колониальные власти. И построили, надо признать, неплохо: старались-то для себя. Здание похоже на европейские оперные театры, строившиеся в конце прошлого столетия: партер, ярусы, галерка, позолоченная лепнина. И только огромные пропеллеры фенот под потолком напоминают

о том, что вы находитесь в тропической стране.

Мы смотрели в этом театре пьесу о южновьетнамском герое Нгуен Ван Чос. Молодой парень, студент, он был казнен в Сайгоне. Спектакль шел при переполненном зале, зрители очень остро и непосредственно реагировали на все, что происходило на сцене. Что касается самой пьесы, то, с точки зрения «абсолютных драматургических критериев», она была во многом несовершенной: несколько прямолинейной, плакатной. Недостаточная «разработанность» образов порой вынуждала артистов прибегать к чисто внешним эффектам: патетическим воздеваниям рук, припаданиям друг другу на грудь. Все это было видно даже «невооруженным» глазом — и все-таки спектакль волновал. Потому что сквозил все несовершенство проступала искренняя взволнованность драматурга. Потому что актеры, в первую очередь исполнитель главной роли, старались «выжать» из текста все, что только возможно. Потому, наконец, что, кроме «абсолютных» критериев, существуют и другие, и, надо думать, не случайно именно эта откровенно агитационная пьеса находила столь горячий отклик зрителей: идет война, льется кровь, и потребность в героическом примере очень велика и естественна.

А для справки можно добавить, что в мирное время тот же театр с успехом ставил советские пьесы, в том числе «Любовь Яровую». Да и собственная вьетнамская драматургия, особенно комедийная, достаточно богата и разнообразна.

Большинство других театров Ханоя прячется в лабиринте улочек Старого города. Они обычно невелики, убранство их просто и небогато. Пьеса жанра «кайлюонг», которую мне довелось посмотреть в одном из таких театриков, по сюжету была весьма похожа на спектакль о Нгуен Ван Чос, только в центре событий находилась не этот раз героиня. А так многое похоже, и даже точно такой же начальни контрразведки, мерзавец, вызывавший дружную ненависть зрительного зала. Может, и есть в этом, кстати, некоторая правота: легко можно допустить, что все палачи кажутся на одно лицо!

Интересно было посмотреть, как осуществляет режиссер спектакля «симбиоз» традиционных и современных театральных форм. По правде сказать, многое было непривычным для глаз. Непривычно было видеть, как посреди напряженного диалога, поставленного по всем канонам реалистического театра, артист вдруг совершал балетный прыжок или, больше того, прокатывался колесом по сцене. Но следует иметь в виду, что далеко не всегда к искусству Вьетнама с его своеобразными тысячелетними традициями приложимы наши мерки: многочисленные зрители воспринимали происходившее на сцене с полным пониманием. Поразительна отточенность мастерства вьетнамских артистов, проявляющаяся

в мелочах. Пожалуй, особенно в мелочах. Если, например, по ходу действия героиня идет к колонке за водой, становившись никогда не «опустится» до того, чтобы показать на сцене «настоящую» струю воды, бегущую из крана. Но все движения актрисы будут так естественны, так ощутимо будут тягаться ведром в ее руках, что вам, наконец, привидится и струя воды, которой на самом деле нет! Это от старой, тысячелетней школы: ведь психологический театр привычного нам типа во Вьетнаме сравнительно молод, между тем искусство, стоящее на грани иллюзии, виртуозного трюка, опирается на богатейшие традиции.

Весьма распространенный вид искусства во Вьетнаме — декламация стихов. Надо сказать, что поэзия вообще занимает особое место в жизни страны. Когда-то умение слагать ритмические строки считалось вообще обязательным для всякого грамотного человека — правда, грамотных в те годы было не столь уж много. Сейчас, с распространением общей культуры, выросли и ряды стихотворцев: стихи пишут государственные деятели, крестьяне, рабочие, студенты. На каждом заводе, электростанции, в кооперативе вас встретит особая, заменяющая стенгазету доска, где расклеены произведения здешних авторов. Далеко не все такие стихи одинаково хороши, но авторы и не относятся к своему творчеству как к чему-то исключительному, сколько-нибудь выделяющему их из круга товарищей. Прилепив новое стихотворение на доску, его создатель обычно не оставляет себе даже копии на память. Вот одно из таких непритязательных стихотворений. Мне позволил переписать его из тетрадки автор — молодой крестьянин, пулеметчик народной милиции в провинции Тань-Хоа; а другие товарищи помогли сделать перевод.

Радость в сердце и радость во взгляде
У тебя, у меня и у всех.
Знамя Первых вручал бригаде,
Знамя Первых — за общий успех.
Мы стремимся вперед окрыленно,
Для мечты не жалеем труда.
Знамя! Будь к нам всегда благо-
склонно!

Оставайся у нас навсегда!

Не менее важным делом, чем само сложение стихов, считается искусство их произнесения. Это искусство лишь отдаленно родственное нашему искусству художественного слова. Мне повезло: на одном из приемов в президентском дворце нам продемонстрировали декламацию стихов по-вьетнамски в ее самом «классическом» варианте. Женщина, одетая в яркий национальный костюм, появилась в сопровождении четырех музыкантов с народными инструментами. Стихи произносились нараспев, точнее ска-зано — пелись, так что вначале неслышным слушателям показалось, что им предложен вокальный номер. Некоторые строфы исполнялись как бы речитативом — и снова следовало пение. Движения исполнительницы — неторопливые и плавные — тоже регламентированы традицией. Исполнялось, между тем, далеко не старинное произведение: читалось стихотворение присутствовавшего тут же известного поэта То Хью о старой женщине, которая под огнем врага в утлой лодочке переправляет через реку солдат свободы. Такого рода декламация исключительна популярна в народе, она ежедневно занимает большое место в передачах Ханойского радио, а когда в древнем Храме Литературы (сесте и такой в Ханое!) проходит ежегодное состязание исполнителей стихов, слушателей бывает очень много, и каждый из них — ценитель.

Мне довелось побывать в Храме Литературы по несколько иному поводу: в дни праздника «тет» — «лунного» нового года — там происходила традиционная выставка цветов. Война оказалась бессильной нарушить древнюю и прекрасную традицию. Свои произведения — именно произведения, ибо каждый экспонат выставки был подлинным произведением искусства! — демонстрировали как государственные садоводства, так и отдельные любители. Журни принимало во внимание не только сам цветок, но и его «подачу»: форму сосуда, в котором он выставлен, полочку, на которую сосуд поставлен, рисунок подложенной салфетки и, конечно, сочетание всего этого между собой.

Из числа жанров изобразительного искусства особой известностью пользуется вьетнамская лаковая живопись. Это древний вид искусства, сама техника которого диктует известную условность изображения. Художник, решившийся писать лаком, должен запастись большим терпением и выдержкой: длительной и кропотливой подготовки требует уже сама доска, на которой будет создаваться картина. Кроме того, тона лаковых красок в момент их нанесения еще далеко не такие, какими они будут в итоге, после высыхания картины и последующих ее обработок. Рассказывают, что существуют виды лаковой техники, при которой произведение обретает окончательный вид лишь через несколько лет после завершения его художником. Картину, таким образом, надо «выдерживать», как вино, а мастер вынужден работать наполовину «слепую», предвидя при этом, что

произойдет с красками, как они будут затем сочетаться друг с другом. Сюжеты лаковых картин, как правило, традиционны: вид на Озеро Возвращенного Меча с Башенкой Черепашьих посредии, пейзажи знаменитого залива Халонг с его тремя тысячами скалистых островков. Попытка создать «в лаке» произведения на современную тематику редко бывают удачны; зато разумное сочетание традиционных живописных форм с современной техникой дает весьма интересные результаты. Именно поэтому очень своеобразны работы вьетнамских художников, посвященные труду крестьян, партизанскому движению.

О многом, очень многом можно еще рассказать. О музыке, где звучат необыкновенные народные инструменты. Об удивительном искусстве вьетнамского лубка — этих небольших картинок на рисовой бумаге, каждая из которых имеет, помимо внешнего, еще и внутренний, символический смысл. О многочисленных видах прикладного искусства — плетении, ковке, резьбе по дереву, кости и камню.

В заключение мне хотелось бы привести лишь один небольшой эпизод.

В книжном магазине — все на той же улице Ювелиров! — я разговорился с человеком в выгоревшей военной форме, с восточной маскировки на пробковом шлеме. Он держал в руках объемистый нотный фолант московского издания — оперу Шостаковича «Катерина Измайлова».

— Вы музыкант? — спросил я солдата.

— Да, музыкант, — ответил он. — В настоящий момент — руководитель одного из армейских ансамблей. Сейчас, конечно, мы играем совсем другую музыку. Но я думаю о том времени, когда наступит справедливый мир и я смогу «прочитать» вслух для многих тысяч моих соотечественников произведение нашего замечательного композитора!..

ХАНОЙ — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА 3
стр.

30 июля 1966 г.